

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 410–414

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 410–414

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-410-414>

Научная статья

УДК 130.2

Генезис русской религиозной философии славянофилов А. С. Хомякова и И. В. Киреевского

В. Ю. Щербаков

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, Россия, 392036, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33

Щербаков Виталий Юрьевич, аспирант кафедры философии и методологии науки, viti.78@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9598-5011>

Аннотация. Статья посвящена философско-религиозно-мировоззренческим взглядам А. С. Хомякова и И. В. Киреевского. На основании анализа творческого и эпистолярного наследия авторов показана неоднозначность их суждений с точки зрения православного богословия. Герменевтический метод позволил автору проанализировать первоисточники трудов А. С. Хомякова и И. В. Киреевского, их современников и последователей с точки зрения православного богословия для определения степени соответствия православному вероучению. Цель работы – сопоставление творческого наследия основателей религиозно-философского движения славянофилов А. С. Хомякова и И. В. Киреевского. Это новый взгляд на формирование их религиозно-философского мировоззрения. Наиболее сильные стороны богословия А. С. Хомякова заключаются в том, что Церковь представлена им как единый нравственный союз проповедующих учение Христа, в основе которого лежит любовь к ближнему. Рационализм не способствует утверждению веры, и всякий отделившийся от Церкви не имеет любви. И. В. Киреевский же шел по пути познания римской философии и ее влияния на формирование западного богословия; анализа и выводов в оценке развития богословия в России и Европе; отрицательного действия обрядоверия на мировоззрение истинного православия в России.

Ключевые слова: славянофилы, западники, традиция, богословие, философия, Православие, Католичество, философско-религиозное мировоззрение

Для цитирования: Щербаков В. Ю. Генезис русской религиозной философии славянофилов А. С. Хомякова и И. В. Киреевского // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 410–414. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-410-414>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Genesis of Russian religious philosophy of the Slavophiles A. S. Khomyakov and I. V. Kireevsky

V. Yu. Shcherbakov

Tambov State University named after G. R. Derzhavin, 33 International St., Tambov 392036, Russia

Vitaly Yu. Shcherbakov, viti.78@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9598-5011>

Abstract. The article is devoted to the philosophical, religious and world views of A. S. Khomyakov and I. V. Kireevsky. Based on the analysis of the authors' creative and epistolary heritage, the authors show the ambiguity of their judgment from the point of view of Orthodox theology. The hermeneutic method allowed the author to analyze the primary sources of A. S. Khomyakov and I. V. Kireevsky, their contemporaries and followers from the point of view of Orthodox theology to determine the degree of their compliance with Orthodox doctrine. The purpose of the work is to compare the creative heritage of the founders of the religious and philosophical movement of the Slavophiles A. S. Khomyakov and I. V. Kireevsky. This is a new look at the formation of the religious and philosophical worldviews of A. S. Khomyakov and I. V. Kireevsky. The strongest sides of A. S. Khomyakov are the following: he presents the Church as a single moral union of those who preach the teachings of Christ, based on love for their neighbor. Rationalism is not conducive to the establishment of faith, and everyone who is separated from the Church does not have love. I. V. Kireevsky, on the other hand, followed the path of knowledge of Roman philosophy and its influence on the formation of Western theology; analysis and conclusions in assessing the development of theology in Russia and Europe; negative effect of ritualism on the worldview of true Orthodoxy in Russia.

Keywords: Slavophiles, Westernizers, tradition, theology, philosophy, Orthodoxy, Catholicism, philosophical and religious worldview

For citation: Shcherbakov V. Yu. Genesis of Russian religious philosophy of the Slavophiles A. S. Khomyakov and I. V. Kireevsky. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 410–414 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-410-414>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В научных трудах, связанных с изучением наследия основоположников славянофильства А. С. Хомякова и И. В. Киреевского, о последних говорится как о мыслителях, строящих свое мировоззрение на основе православного верования, истинность которого они отстаивали в спорах со своими оппонентами.

С одной стороны, их вера, глубина богословской мысли, ее логичность и последовательность в обосновании собственных убеждений прямо подтверждают личную религиозность славянофилов, но, с другой стороны, отдельные аспекты их жизненного пути и анализ творческого и эпистолярного наследия могут вызвать определенные вопросы к выводам и суждениям мыслителей.

Таким образом, изучение трудов А. С. Хомякова и И. В. Киреевского позволяет выявить в их теоретических изысканиях размышления на тему влияния православия на возникновение ряда философских течений первой половины XIX в., темой которых была проблема исторической традиции и связанные с ней этнокультурные особенности общественного бытия. Мысль каждого из авторов была по-своему оригинальна, что также вызывает необходимость проведения сравнительного анализа их религиозной философии с целью выявления как соответствия ее православному вероучению, так и расхождения с ним.

Объектом исследования выступают философские воззрения обоих представителей раннего славянофильства, связанные с их пониманием традиционных основ российской государственности и глубоким осмыслением православного богословия, основанного на святоотеческом наследии.

Православие для Алексея Степановича Хомякова было не только религией. Оно являлось образом жизни, сформировавшимся в результате как семейного воспитания, так и последующей женитьбы на Екатерине Михайловне Языковой, глубокой христианке, духовной дочери преподобного Серафима Саровского. В отличие от него Иван Васильевич Киреевский прошел длительный путь внутренних сомнений в определении своего мировоззрения, помощь в преодолении которых ему также оказала супруга Наталья Петровна Арбенина, еще одна духовная дочь саровского старца.

Глубокая личная религиозность А. С. Хомякова нами не подвергается сомнению. Его мысли о роли Церкви в формировании отечественных традиций, государственно-общественных отношений, используемые при этом полемические приемы остаются весьма убедительными и в настоящее время. Эрудиция А. С. Хомякова, отмечаемая современниками, давала ему возможность

делать выводы по вопросам критики инославных ветвей христианства, полностью согласующиеся с мнением святых отцов минувших веков.

Полемику как наиболее сильную сторону богословия А. С. Хомякова выделяет и священномученик Иларион (Троицкий), архиепископ Верейский в своей статье «А. С. Хомяков и древнецерковные полемисты» [1]. Это понимание Церкви как Тела Христова в нравственном союзе любви Бога и человека; полная утрата любви, т. е. доверия к Богу. Однако если первый пункт полностью согласуется с православным вероучением, то второй встречает возражение со стороны православных богословов. Так, архиепископ Иларион, говоря о том, что, хотя у А. С. Хомякова здесь «ясно и настойчиво выражается мысль об отсутствии любви в западных исповеданиях», вместе с тем указывает, что в противовес святым отцам, в частности блаженному Августину, у него эта мысль чисто полемическая, не облеченная в догматические формы, и потому более носит характер только его личного мнения [1]. С ним соглашается игумен Петр Мещеринов, размышляя о том, что если итогом искажения Символа Веры «церковная жизнь кончилась для целой половины Церкви, <...> то это значит, что люди перестали верить во Христа? призывать Его имя, что возможно не иначе, как Духом Святым (1 Кор. 12, 3)? пресеклась любовь, добрые дела? христиане перестали получать подкрепление этой любви к Богу и ближнему в Слове Божьем и Таинствах? Реальность показывает: конечно, нет. Большинство паствы Западной Церкви не входило в различение богословских тонкостей; христианская жизнь очевидно наличествовала, невзирая на покривления в богословии – да, со многими изъянами, но вовсе не большими, нежели изъяны в христианской жизни восточных христиан. Но для подкрепления своих доводов Хомякову не нужна практика, ему достаточно заранее заданных схематических положений» [2].

Выводы, построенные на основании тезисов святителя Илариона, свидетельствуют, с одной стороны, о близости суждений А. С. Хомякова с мнениями по этим же вопросам святых отцов, а с другой стороны, о некой предвзятости его в построении собственных умозаключений, имеющих важное догматическое значение.

А. С. Хомяков, обладая энциклопедическими знаниями, в своих рассуждениях полагался только на них [3, с. 188]. До настоящего времени не имеется достаточных сведений о его переписке с иерархами и подвижниками благочестия того периода.

Религиозно-философское наследие А. С. Хомякова находило и своих сторонников, и своих

противников в церковной среде. По утверждению А. Ф. Лосева, одно время даже витала идея о канонизации Алексея Степановича [4, с. 280]. Уже в конце XIX в. бытует мнение, что «православную экклесиологию нельзя представить без трудов А. С. Хомякова» [5, с. 231]. Первыми, кто выступил с критикой позиции А. С. Хомякова, были профессор Московской духовной академии А. В. Горский и П. С. Казанский [цит. по: 5, с. 228–229; 6, с. 58, 73]. В трудах Алексея Степановича они видели лишь его собственные рассуждения, в большинстве своем совпадавшие с мнением святых отцов, но тем не менее без отсылки к их авторитету, безусловно, важному для православного человека [7, с. 79]. Сторонниками А. С. Хомякова являлись Н. И. Барсов и А. М. Иванцов-Платонов, полагавшие, что его суждения возродили интерес общественной мысли к вопросам религии. Однако А. С. Хомяков упрекал современную ему российскую православно-богословскую школу за сухость и косность форм и нежелание живого общения с представителями иных, не всегда противоположных, воззрений. Его интерес к отдельным иерархам, в частности митрополиту Филарету (Дроздову), патрологу архиепископу Филарету (Гумилевскому), отмечает С. С. Хоружий [6, с. 154].

Переходя к личности Ивана Васильевича Киреевского, следует отметить, что, в отличие от А. С. Хомякова, он прошел путь от полного безверия к глубокой личной вере. Его путь как религиозного философа начинается с 1829 г., когда, заинтересовавшись лекцией Фридриха Шлейермахера, он начинает изучать христианскую догматику и читать Евангелие с единственной целью – понять его рассуждения. Однако это первое знакомство с христианским вероучением позволило Киреевскому увидеть отсутствие целостности в философии Ф. Шлейермахера, в частности в попытке соединить веру и философию. То, что когда-то удалось великим каппадокийцам, не смог сделать великий немецкий философ. Протестантское рациональное мышление увело его на путь сопоставления случайных вопросов о смерти и воскресении Христа, о наличии в Его теле «искры жизни» после казни, в то время как для настоящего христианина «вопрос о действительной или мнимой смерти Иисуса разом решен тем, что душа Его на это время отделилась от тела» [8]. Уже на этом примере видно, что И. В. Киреевский, не имевший систематического богословского образования, в то время достаточно равнодушный к вопросам религии, интуитивно понимает невозможность рационального познания отдельных вопросов без веры.

Именно это противоречие между внешним и внутренним впоследствии стало одной из причин, приведших Ивана Васильевича к необходимости глубокого знакомства с православным вероучением и святоотеческим наследием для объективного анализа обеих форм познания бытия.

Дальнейшее знакомство с православным вероучением происходит у И. В. Киреевского под влиянием иеромонаха Филарета Новоспаского и Макария Оптинского.

Относительно недолгая дружба И. В. Киреевского с о. Филаретом (последний скончался в 1842 г.) вместе с тем дает основание полагать, что именно в этот период философ-рационалист, ранее уже имевший опыт сравнения сознания рационально-религиозного с сознанием, опирающимся на практику Вселенской церкви (пусть это и была только слабая попытка), начинает переформатировать себя, определяя новые ценностные ориентиры, переходя от мышления протестантского, замкнутого лишь на познании самого себя и собственных мыслей, и имевший лишь собственное мнение в качестве личностного бога, к мышлению православному, открывающему в человеке глубинные возможности познания бытия через познание Бога-Творца [9].

После смерти о. Филарета своим новым духовником супруги Киреевские избирают насельника Свято-Введенской Оптиной пустыни иеромонаха Макария (Иванова), прославленного Русской Православной Церковью в лике преподобных в 2000 г.

Принцип соборности И. В. Киреевскому был более свойствен, чем А. С. Хомякову. Именно поэтому, общаясь со старцем Макарием [10], он не исключил возможности обращения и к другим рецензентам, одним из которых являлся игумен Антоний (Бочков). Именно в переписке с ним наблюдается перечень обозначенных тем, которые в дальнейшем И. В. Киреевский исследует в своих публикациях. Это и роль античной философии в формировании западного богословия, и различие форм становления отечественной и европейской государственности, и первенствующая роль обряда как губительный фактор православного мировоззрения, и «русская реформация» Петра I.

Таким образом, при всей внешней православности А. С. Хомякова и определенном соответствии его мышления православному богословию он, полагаясь только на багаж собственных знаний и осуществляя основанные на них выводы, периодически уклонялся от той истины, которую старался отстаивать в спорах

со своими оппонентами. В своей «прямолинейности» Хомяков не останавливался ни перед прямым уничтожением тех, чьи богословские утверждения не соответствовали его мыслям, ни перед прямым нивелированием сакральной жизни Православной Церкви.

И. В. Киреевский, без сомнения, являлся полным антиподом А. С. Хомякову. Будучи чрезвычайно одаренным человеком, он, пройдя долгий путь внутренней борьбы от состояния полного неверия к глубокой личной религиозности, все же не полагался только на накопленные знания. Для него, как и для любого православного человека, было важным сверить свои мысли с мыслями как современных ему православных богословов, так и богословов предшествовавших поколений. Именно поэтому об Иване Васильевиче можно уверенно говорить как об основоположнике православно-религиозного направления русской религиозной философии, чего нельзя сказать об Алексее Степановиче Хомякове.

Рассмотренные взгляды и суждения ранних славянофилов не могли остаться незамеченными как в силу неоднозначности суждений мыслителей, так и в связи с интересом их современников и последующих поколений отечественных мыслителей к вопросам традиционализма. Сопоставление западных и восточных христианских религиозных доктрин, их влияние на цивилизационные процессы порождали мысли о множестве традиций в единстве вероучительных систем, а также об их противоречивости при изменении религиозных концепций (например в протестантизме), что влекло за собой и появление соответствующих им философских систем. Данную позицию разделяли профессор О. М. Новицкий, ректор Императорского Московского университета князь С. Н. Трубецкой, а также протоиерей Павел Флоренский.

Следует отметить, что мысли основоположников русской религиозной философии, и особенно А. С. Хомякова, раскрывающие процессы распространения различных религиозных течений, их соединение и разделение, а также взаимообмен в значительной мере согласуются с концепцией диффузионизма, авторами которой в начале XX в. являлись немецкий ученый Вильгельм Шмидт и Фридрих Ратцель.

Список литературы

1. *Иларион (Троицкий), сщмч. А. С. Хомяков и древнецерковные полемисты // Творения : в 3 т. М. : Издательство Сретенского монастыря, 2004. Т. 3. С. 179–192.*

2. *Мещеринов Петр, игумен. Экклесиология: Хомяков и Арндт // Богослов.ru. 2020. 6 ноября. URL: <https://bogoslov.ru/article/1438013> (дата обращения: 15.11.2020).*
3. *Хомяков А. С. Письмо к А. Н. Попову от 23 октября 1848 г. // Хомяков А. С. Полное собрание сочинений : в 8 т. М. : Университетская типография, 1900. Т. 8. С. 188–189.*
4. *Лосев А. Ф. Термин «магия» в понимании П. А. Флоренского // Соч. : в 2 т. Т. 2 : У водоразделов мысли. М. : Правда, 1990. С. 276–280.*
5. *Шапошников Л. Е., Федоров А. А. История русской религиозной философии. М. : Высшая школа, 2006. 447 с.*
6. *Хоружий С. Алексей Хомяков : учение о соборности и Церкви // Богословские труды. 2002. Сборник 37. С. 153–179.*
7. *Пешков А. А. Экклесиология А. С. Хомякова в оценке академического богословия XIX – начала XX века (в контексте святоотеческого наследия I–III вв.) // Труды Нижегородской духовной семинарии. 2017. Вып. 10. С. 57–98.*
8. *Киреевский И. В. Разум на пути к истине. М. : Правило Веры, 2002. 215 с.*
9. *Орлов М. О. Роль духовного просвещения в становлении русской религиозности : историко-философский анализ // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 153–158. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-2-153-158>*
10. *Киреевский И. В. Полное собрание сочинений : в 4 т. Т. 3 : Письма и дневники. Калуга : Издательский педагогический центр «Гриф», 2006. 488 с.*

References

1. *Ilarion (Troitskiy), hieromartyr. A. S. Khomyakov and ancient church polemicists. In: *Tvoreniya: v 3 t.* [Creations: in 3 vols.]. Moscow, Izdatel'stvo Sretenskogo monastyr'a, 2004. vol. 3, pp. 179–192. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Ilarion_Troitskij/khomjakovi-drevnetserkovnye-polemisty/ (accessed 15 November 2020) (in Russian).*
2. *Meshcherinov Petr, igumen. Ecclesiology: Khomyakov and Arndt. Bogoslov.ru. [Theologian.ru], 2020. 6 noyabrya. Available at: <https://bogoslov.ru/article/1438013> (accessed 15 November 2020) (in Russian).*
3. *Khomyakov A. S. Letter to A. N. Popov from October 23. 1848. In: Khomyakov A. S. *Polnoe sobranie sochineniy: v 8 t.* [Khomyakov A. S. Complete Works: in 8 vols.]. Moscow, Universitetskaya tipografiya Publ., 1900, vol. 8, pp. 188–189 (in Russian).*
4. *Losev A. F. Termin «magiya» v ponimanii P. A. Florenskogo [The Term “Magic” in the Understanding of P. A. Florensky]. In: *Sochineniya. T. 2: U vodorazdelov mysli* [Works. Vol. 2: At the Water Shets of Thoughts]. Moscow, Pravda Publ., 1990, pp. 276–280 (in Russian).*
5. *Shaposhnikov L. E., Fedorov A. A. *Istoriya russkoy religioznoy filosofii* [History of Russian Religious Philosophy].*

- Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2006. 447 p. (in Russian).
6. Khoruzhiy S. Alexey Khomyakov: Teaching on Sobornost and the Church. *Bogoslovskie trudy* [Theological Works], 2002, collection 37, pp. 153–179. Available at: http://www.odinblago.ru/homakov_o_sobornosti (accessed 25 November 2020) (in Russian).
 7. Peshkov A. A. Ecclesiology A. S. Khomyakov in the assessment of academic theology of the 19th – early 20th centuries (in the context of the patristic heritage of the 1st-3rd centuries). *Trudy Nizhegorodskoy dukhovnoy seminarii* [Proceedings of the Nizhny Novgorod Theological Seminary], 2017, iss. 10, pp. 57–98 (in Russian).
 8. Kireevskiy I. V. *Razum na puti k istine* [Reason on the Way to the Truth]. Moscow, Pravilo Very Publ., 2002. 215 p. (in Russian).
 9. Orlov M. O. The role of spiritual enlightenment in the formation of Russian religiosity: A historical and philosophical analysis. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 153–158 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-2-153-158>
 10. Kireevskiy I. V. *Polnoe sobranie sochineniy: v 4 t. T. 3: Pis'ma i dnevniki* [Complete Works: in 4 vols. Vol. 3: Letters and Diaries]. Kaluga, Izdatel'skiy pedagogicheskiy tsentr "Grif", 2006. 488 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 03.02.2021, после рецензирования 15.02.2021, принята к публикации 13.09.2021
Received 03.02.2021, revised 15.02.2021, accepted 13.09.2021